

#МИСТИЧЕСКИЕ ТРИЛЛЕРЫ ОБРАЗЦОВА

Константин
ОБРАЗЦОВ

МОЛОТ ВЕДЬМ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-23

Образцов, Константин Александрович.
О-23 Молот ведьм / Константин Образцов. — Москва : Эксмо, 2024.— 560 с. — (Мистические триллеры Образцова).

ISBN 978-5-04-186639-6

Мы встречаемся со Злом каждый день, но не осознаем его масштабов. Дневник маньяка-убийцы, изобилующий кровавыми подробностями и постыдными откровениями, изменит представление о том, насколько все серьезно. Кто он: безумец, ведомый маниакальной идеей? Охотник на ведьм, замечающий Зло там, где его не видит никто? Или несчастный, надломленный человек, взявший на себя непосильную ношу судьи и палача? Как распознать истину среди крови, смертей, сумасшествия, одиночества, тотальной лжи, вечной ночи, дождей и туманов — и есть ли эта истина вообще?..

Мистический триллер в лучших традициях жанра. Пробирающий до мурашек, как романы Стивена Кинга. Преисполненный темной эстетикой высочайшего класса, как «Парфюмер» Патрика Зюскинда. Прекрасный в своей мрачной поэзии, как «Садовник» Родриго Кортеса.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186639-6 © Образцов К., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

«Ведьмы существовали за счет наиболее грязных чувств и эмоций своей эпохи».

Август Монтегю Саммерс.

«Следует видеть причину испорченности не в чёрте, а в человеческой воле».

Якоб Шпренгер, Генрих Инстифорис.

«Задача писателя — показать людям мир, в котором они живут. Мы держим для них зеркала».

Нил Гейман.

ГЛАВА 1

22 марта 20... года.

В купе темно, жарко и пахнет старым вагоном: разогретым железом, бельевой пылью и холодной едой. Свой пиджак я давно снял и пристроил поверх пальто на вешалке у двери, рядом с висящей на крючке шляпой. Моя попутчица стянула свитер — не раньше, впрочем, чем мы привыкли друг к другу, — и сейчас на ней только черные тонкие брюки и белая футболка с глубоким вырезом на полной груди. Когда редкие синеватые вспышки фонарей за окном освещают купе, широкие мягкие тени скользят по ее телу, как ласковые ладони. Сапоги она тоже сняла и сидит, поджав ноги. У нее прекрасные изящные стопы и темный лак на ногтях. Я думаю о том, какого цвета он может быть: черный? Темно-вишневый? Может быть, синий?

Я подсел к ней в Бологое. В купе кроме нее никого не было — повезло. Мне вообще в последнее время очень везет. Она сидела на нижней полке слева от двери: светловолосая молодая женщина, с пышной зрелой фигурой и большими голубыми глазами. Я вошел и поздоровался; она оторвала взгляд от смартфона, глянула на меня настроженно и немного недовольно, ответила на приветствие и снова стала смотреть в экран.

Сейчас почти все так проводят свободное время: смотрят в какой-нибудь экран.

Сначала мы молчали, как всегда в начале пути молчат незнакомцы в поезде, только изредка посматривали друг на друга, так, чтобы другой этого не заметил. Потом понемногу разговорились: ужасный поезд, такой древний, просто мало кто ездит сейчас на поездах с дальнего Юга России в Петербург, все пользуются са-

молетами, но что делать, если нужно уехать из Москвы, а билеты есть только на транзитный, все-таки выходные, ну ладно, доедем, главное ведь — хорошая компания, и все в таком роде. Она сказала, что занимается пошивом одежды, разных необычных сценических костюмов, и ездила в Москву по работе: была у крупного заказчика, а теперь возвращается обратно, и ей нужно обязательно быть дома до завтрашнего утра, потому что у нее маленькая дочь, с которой сейчас сидит мама.

Упоминание дочки — хороший знак того, что все идет так, как надо, и можно делать следующий шаг.

— Давайте познакомимся, — предложил я и назвал свое имя.

— Очень приятно, — ответила она. — А я Оксана.

Немного замешкавшись, она протянула мне руку, и я слегка пожал теплые нежные пальцы.

Оксана улыбнулась, глядя на меня, и я точно знал, кого она видит: интеллигентного мужчину средних лет, аккуратного, неплохо одетого, с располагающей внешностью и обаятельной улыбкой.

— А чем вы занимаетесь? — поинтересовалась Оксана.

— Историк-медиевист, — ответил я и пояснил: — Изучаю Средние века.

— Это, наверное, очень интересно, — заметила она. — Такой таинственный и мрачный период истории: замки, Крестовые походы, инквизиция, пытки... Ужас.

Мне хотелось ответить, что я считаю Средневековье одной из самых достойных страниц в неблагоприятной биографии человеческого рода, которому как раз сейчас бы не повредили и Крестовые походы, и Святая Инквизиция, какой она была в годы своей силы и славы, но это не лучшая тема для продолжения разговора.

— Да, — сказал я. — Совершенно согласен. Захватывающие времена.

Я рассказал, что ездил к своему научному руководителю в Болгое, консультировался по вопросам докторской диссертации. А еще советовался по поводу издания книги, исторической монографии, которая скоро выйдет в свет.

— Книга! Как здорово! — восхитилась Оксана. — Я обязательно куплю! Дадите мне автограф?

— Конечно, — улыбнулся я. — С удовольствием.

— Наверное, тоже торопитесь домой? — спросила она.

Я понимаю, что она хочет услышать, и ответил, нисколько не погрешив против правды:

– Не очень. Меня ведь никто не ждёт.

Мимо окна мелькает пустынная платформа, низкое деревянное строение с темными окнами и яркий рыжий фонарь, на мгновение заливающий купе волной золотистого света. Безлюдный полустанок похож на брошенную декорацию к несостоявшейся жизни. Он появился и тут же исчез в ночи, как ненужное воспоминание, и через несколько мгновений поезд уже снова мчится в ненастном мраке сквозь дождь и мокрый снег.

– Это какая станция была?

– Не знаю, – ответил я. – Не успел разглядеть.

Колеса выстукивали угрюмый ритм, вагон вздрагивал и чуть покачивался на стыках рельсов, черный рваный силуэт леса извивался вдоль дороги, и мимо порой проносились желтоватые огоньки деревень, похожих на иные миры. Когда до города оставалось чуть больше двух часов пути, Оксана начала рассказывать о себе. Кажется, я спросил что-то о ее работе, о том, много ли заказов, и она, сначала чуть сбивчиво, медленно, подбирая слова, а потом все больше увлекаясь, принялась рассказывать свою историю.

Я сидел, слушал и думал, что человеческие жизни будто пишут разные авторы: кому-то достается мастер детективной интриги, кому-то любитель авантурных сюжетов, но гораздо чаще по клавишам пишущей машинки людских судеб колотит убогий бытописатель серых офисных будней или стареющая авторесса однообразно унылых женских романов.

Мать-одиночка, так и не вышедшая замуж за человека, с которым прожила три года и который в один прекрасный день пропал вместе с ее немногочисленными сбережениями. Жизнь в квартире у пожилой мамы, в трудные времена помогавшей деньгами из собственной небогатой зарплаты и принявшей к себе вместе с ребенком, несмотря на прошлые обиды и ссоры. Попытка создать швейное ателье вместе с подругой по колледжу: та, едва лишь появились первые признаки успеха, воспользовалась доверием, бывшим основой их скромного совместного бизнеса, и выбросила свою партнёршу из дела. Безденежье, особенно ощутимое при растущей дочери, которой на следующий год предстоит идти

в школу, доходы от редких заказов, почти полностью уходящие на выплаты по старым долгам...

Я сочувственно кивал и думал, что жизни Оксаны срочно требуется сменить автора.

— Но сейчас ведь все налаживается? — спросил я. — Вот, в столице получили хороший заказ.

— Да, — почему-то безрадостно отозвалась она. — Начало налаживаться.

И отвела взгляд.

Дальше мы едем в молчании. Вместо леса вдоль дороги потянулись низкие стальные ангары, заброшенные заводские корпуса из раскрошившегося кирпича, с разбитыми окнами и провалившимися крышами, поросшими сорной травой, почерневшие металлические конструкции, тускло блестящие от воды, покореженный трактор, дырявые железные бочки — словно сцены из фильма, в котором технократическая цивилизация уничтожила себя, изуродовав мир вокруг ржавчиной, бензином и машинным маслом.

— Скоро город, — говорю я и встаю. — Через полчаса уже прибудем. Вам куда ехать?

Оксана садится, спустив ноги с полки, и смотрит на меня снизу вверх.

— Мне далеко вообще-то, — неуверенно говорит она. — На Богатырский проспект, почти у кольцевой.

— Давайте я вас подвезу, — предлагаю я. — У меня машина рядом с вокзалом.

Теперь фонари уже не проносятся, а проплывают один за другим, свет и тени кружатся по купе в медленном танце. Оксана чуть нагибается вперед, глубокий вырез футболки, натягиваясь под тяжестью груди, сползает ниже, но я стараюсь смотреть ей в глаза: они большие и широко распахнутые, как у ребенка, которого незнакомый взрослый дядя зовет посмотреть щенка. Я понимаю, что ей нужно немного помочь, и делаю это.

— Сейчас уже поздно, метро закрыто, — подсказываю я. — И погода ужасная. Вам все равно придется на такси ехать или машину ловить, а я не хочу, чтобы вы промокли или вас украл.

Я улыбаюсь, и она тоже улыбается в ответ.

— Спасибо большое! А вам точно не сложно?..

Я знал, что она согласится. Мать-одиночка автоматически примеряет любого мужчину, с которым пообщалась дольше минуты, на роль мужа и отца своего ребенка, и нельзя сказать, что в моем случае эта примерка была неудачной.

Поезд медленно втягивается под навес вокзала, как старый усталый змей, возвращающийся в родную нору. Мы протискиваемся по узкому коридору вагона, я впереди, она следом, проходим мимо сонного тощего проводника в поношенном форменном пиджаке, и ступаем на мокрый асфальт платформы. Я помогаю ей вытащить большой красный чемодан на колесиках. У меня из вещей только потертый портфель с книжкой и блокнотом внутри.

— Оксана, — говорю я, — вы можете одна выйти на улицу? У меня машина стоит на Гончарной, я пойду вперед, прогрееу немало и встану у тротуара, хорошо?

Она немного растеряна, но не задает вопросов и соглашается. Мы обмениваемся номерами телефонов на случай, если что-то пойдет не так, и я быстро иду к зданию вокзала мимо патрульных полицейских и редкой цепочки похожих друг на друга угрюмых мужчин, монотонно бормочущих, словно заклятие: «Такси, такси, такси недорого, такси...»

Я вхожу в большие стеклянные двери и сразу сворачиваю направо, в один из боковых выходов. Узкий переулок, ряды торговых ларьков, грязь, смрадные тени слоняющихся бродяг, промозглый ветер, злой дождь пополам с липким снегом. Я натягиваю тонкие кожаные перчатки, надвигаю шляпу на глаза, поднимаю повыше воротник пальто и быстро иду, оскальзываясь в слякоти и забрызгивая брюки водой из глубоких холодных луж.

Моя серая «Волга», вся в неряшливых разводах от талого снега, стоит там же, где я оставил ее вчера: в тесном узком дворе, метрах в ста от вокзала. Никто не проколол колеса, не разбил стекло, на бортах и крыльях не нацарапано нецензурных слов.

Да, мне везет. В последнее время особенно.

Я осторожно выбираюсь на улицу задним ходом через низкую темную арку, не разворачиваясь, еще немного сдаю назад, и останавливаюсь, включив аварийный сигнал. Уже час, как наступило воскресенье, и, несмотря на глубокую ночь, на вокзальной площади и двух пересекающих ее проспектах движение еще оживленное; впрочем, на Гончарной машин сейчас нет.

Я замечаю Оксану в зеркале заднего вида: она выходит из вокзала, оглядывается, качает головой в ответ на слова подошедших к ней таксистов и идет в мою сторону. Одной рукой она тащит за собой чемодан, другой пытается достать телефон из висящей на плече сумочки. Я вылезая из машины и сам набираю ее номер.

— Оксана, я вас вижу! Да, идите прямо, вот я стою здесь, большая серая «Волга»-универсал, видите?

Что бы я сделал, если бы она передумала? Если бы вызвала такси или вышла с другой стороны и просто поймала первую попавшуюся машину? Если бы сочла странным предложение самой прогуляться с багажом и под дождем до боковой улицы? Позвонил бы я ей или нет?

Но она не передумала, не вызвала, не поймала: стоит здесь, рядом со мной, капли дождя сверкают на ворсинках пальто и в чуть растрепавшихся светлых волосах, на полных губах улыбка, голубые глаза сияют — может быть, отраженным светом уличных огней, а может быть, от чего-то другого. Я открываю багажник и наконец забираю у нее чемодан.

— Осторожнее, — говорит она, — он тяжелый!

— А я сильный, — и улыбаюсь ей в ответ.

Мы садимся в салон и захлопываем дверцы. Я смотрю сначала вперед, потом в зеркало заднего вида: машин на улице по-прежнему нет, редкие прохожие спешат, низко нагнув головы, защищаясь от ветра с дождем.

— Извините, — говорю я, — машина не представительского класса. Наверное, нужно было предупредить.

— Ничего, — весело отвечает она, — главное — это хороший водитель.

— Вы, наверное, замерзли, пока дошли. Сейчас я включу печку, согреетесь.

Оксана улыбается — ей приятна моя забота. Я вижу, что она расслабляется: в машине уютно, тепло, а впереди дом, дочка, мама и отдых.

— Ну вот, можем ехать. Осталось только пристегнуться.

Она кивает и берется за ремень безопасности.

— Там механизм немного тугой, потяните посильнее, двумя руками, — подсказываю я.

Оксана послушно тянется к пряжке ремня второй рукой, разворачиваясь ко мне спиной.

Я быстро достаю из кармана пальто электрошокер, прижимаю к ее шее и нажимаю на кнопку.

Электрический разряд бьет с такой силой, что я чувствую, как шокер вздрагивает у меня в руке. Короткий треск в тишине салона кажется оглушительным, и к запаху бензина примешивается легкий аромат озона. Удар током бросает Оксану на дверцу, она с громким стуком бьется головой о стойку, а потом заваливается вперед и замирает. Сумочка, которую она так и не застегнула после того, как доставала мобильный, соскальзывает с колен и падает, рассыпая содержимое.

Это плохо. Потом нужно будет проверить, чтобы ничего не осталось в машине.

Я еще раз оглядываюсь. Всего в сотне метров на ярко освещенной площади перед вокзалом снуют силуэты десятков людей, у стоянки такси переминаются с ноги на ногу водители в ожидании припозднившихся пассажиров, машины редеющим ночным потоком проносятся одна за одной по проспектам. Но улица, на которой стоит мой автомобиль, пустынна. Никто не проехал, не выглянул из темных подворотен, не прошел мимо и не постучался в окно.

Женщина рядом со мной лежит головой на передней панели, неловко вывернув шею. Она неподвижна, только левая рука слегка подрагивает от пробегающих по телу электрических разрядов. Мой шокер специально подготовленный, с увеличенной мощностью, и сознание к ней вернется не раньше чем через четверть часа, но медлить не стоит.

Я трогаюсь с места и медленно заезжаю обратно во двор. Выхожу из машины. Серые стены узкого каменного колодца уходят высоко вверх, к неровному четырехугольнику темного неба. Пахнет холодом, сырым камнем, грязным снегом и вонючей талой водой, прошедшей через фильтры гниющего содержимого мусорных баков. В окнах домов чернота, и только в некоторых мерцают гипнотические голубоватые сполохи телевизионных экранов.

Ожившие призраки развлекают живых мертвецов.

Теперь действовать нужно быстро, но без спешки: суета мешает сосредоточиться и дезорганизует. Я открываю багажник, от-

кидываю крышку, отделяющую багажный отсек от верхней части салона, вынимаю ее чемодан, свой ящик с инструментами, и ставлю рядом на мокрый булыжник двора. Из ящика достаю большую катушку широкого скотча, охотничий нож и иду к пассажирской двери. Оксана по-прежнему без сознания. Разумеется.

Я приподнимаю и слегка толкаю ее. Она мягко падает на бок, головой на водительское сиденье. Снимаю с нее сапоги, задираю брючины и тщательно, плотно обматываю скотчем лодыжки чуть выше тонких капроновых носков. Теперь я могу разглядеть цвет лака у нее на ногтях: он темно-красный.

С руками немного сложнее: снимать в машине пальто с неподвижного тела неудобно, поэтому я засучиваю ей рукава и старательно заматываю заведенные за спину кисти, а потом для верности еще и прикручиваю руки несколькими оборотами скотча к телу на уровне локтей поверх пальто. Затем заклеиваю рот, наматываю клейкую ленту вокруг головы.

Теперь нужно оттащить ее в багажник. На данном этапе это самое трудное и опасное: мои манипуляции в темном салоне автомобиля вряд ли можно было бы рассмотреть, случайно выглянув в окно или даже выйдя во двор, чего не скажешь о перетаскивании безжизненного тела.

Быстро, но без суеты.

Сначала я тяну ее за ноги, наполовину вытаскивая из салона. Пальто задирается вверх, босые стопы свешиваются на землю и светлые носки намокают черными грязными пятнами. Я нагибаюсь в салон, крепко обхватываю ее вокруг груди, прижимая к себе, и тяну. Расслабленное тело повисает на руках неподвижной тяжестью, семьдесят килограмм живого веса словно превратились в тонну вялой растекшейся плоти. Мышцы сводит от нагрузки, пальцы рук, которые я сцепил в стальной замок у нее за спиной, немеют и готовы рожаться. Я выволакиваю ее из салона и, пятясь, тащу к открытому багажнику. Ноги скребут по асфальту. Я чувствую, как мои спина и затылок будто становятся мишенями, в которые упираются невидимые взгляды из всех темных окон разом; краем глаза смотрю на арку и уверен, практически абсолютно уверен, что сейчас кто-то войдет во двор и остановится, глядя на то, как я, тяжело дыша и отдуваясь, волоку связанную женщину к багажнику автомобиля.

Но нет ни криков из окон, ни случайных прохожих, и никто не выходит из плотно закрытых железных дверей. Все тихо, только слышно, как с протяжным вздохом пронесся по пустынной улице одинокий автомобиль.

Мне везет. Я уже говорил об этом?

Я отодвигаю в сторону две канистры с бензином и заталкиваю тело в багажник как можно дальше, до самой спинки сдвинутого вперед заднего сиденья, туда, где лежит длинный полотняный чехол с двустольным ружьем. Руки гудят, мускулы слегка подрагивают, как будто я тоже получил разряд из шокера. Я забираю из салона сапоги, заталкиваю в сумочку выпавший кошелек, ключи, собираю с грязного резинового коврика рассыпавшуюся мелочь. Ее мобильный телефон я выключаю и кладу в нагрудный карман пиджака. Потом закидываю сапоги и сумочку в багажник, туда же засовываю чемодан и инструменты, отхожу на пару шагов и смотрю: снаружи заметна светлая ткань пальто, перемотанного скотчем, и босые грязные стопы. Увидеть лицо мешает красный чемодан. Я сдвигаю инструментальный ящик так, чтобы он хоть как-то заслонил ноги. Остается надеяться, что никто не станет интересоваться моим грузом.

Я сажусь за руль, медленно выезжаю из двора и отправляюсь в путь.

«Qui habitat in protectione Altissimi, sub umbra Omnipotentis commorabitur. Dicit Domino: refugium meum et fortitudo mea, Deus meus, sperabo in eum...»¹

Через сорок минут город с его шумными тревожными улицами наконец остается позади. Узкое темное шоссе извивается крутыми изгибами среди лесистых холмов; в потоках дождя становится все больше крупных хлопьев мокрого снега, и щетки на лобовом стекле сгребают их вместе с водой, утрамбовывая в белую полосу и оставляя дрожащие мутные тени. Я не разгоняюсь быстрее восьмидесяти километров в час и дисциплинированно снижаю скорость, когда проезжаю светящийся большими окнами пост дорожной полиции. Постовой в длинном мокром дождевике с капюшоном едва смотрит в мою сторону и равнодушно отворачивается: во-

¹ Первые слова девяностого псалма: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!» (лат.)

дитель за рулем старой «двадцать четвертой» «Волги» не может быть ни опасен, ни платежеспособен.

После очередного подъема шоссе выпрямляется, упираясь в непроглядный мрак впереди. Небо на севере от горизонта до самой высокой точки своей сферы совершенно черное и клубится огромными тучами, словно древней неизбывной угрозой. Я вспоминаю слова из псалма: «Мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных»¹. Не нужно думать, что, взывая к небесам, вы обращаетесь к Богу. В книге Иова сказано: «Облака – завеса Его, так что Он не видит, а ходит только по небесному кругу»². Создатель остался за кулисами земного спектакля, за завесой тьмы, ограждающей божественный взор от непотребства, в которое порочные арлекины превратили Его прекрасный и полный гармонии замысел. Здесь, под плотным пологом туч, небеса – обитель воздушных духов злобы, которые поджидают меня сейчас впереди, в черной пустоте адской бездны. И груз в моем автомобиле предназначен для доставки именно туда.

Через полтора часа я прибываю в пункт назначения. Дачный поселок темен и пуст: электричества нет, и ни сезон, ни погода не располагают жителей города к посещению своих летних резиденций. Я неторопливо пробираюсь по узким песчаным улицам меж деревянных оград, молчаливых домов, голых зарослей кустарника и высоких сосен и елей. Нужный мне дом стоит у подножия небольшого холма рядом с пересечением двух дорог: одна идет вверх и прямо, мимо дачных участков, а другая уходит правее и ниже, к густому лесу метрах в пятидесяти от перекрестка. Я сворачиваю направо. Дорога, ведущая в лес, вся изрыта промоинами, ямами и сосновыми корнями, выступающими из плотного песка, как щупальца подземных чудовищ. Машина раскачивается и подпрыгивает, мощный свет фар освещает лес впереди, и в пронзающих тьму ярких лучах он похож на сказочную пещеру, теряющиеся во мраке своды которой подпирают толстые колонны деревьев, образующие причудливый лабиринт.

Ливень устал и как будто бы постарел, яростные потоки сменились унылым и ровным дождем, шуршащим в тишине по прошлогодней палой листве, которую снег безуспешно пытался

¹ Псалом 17, 1.12

² Иов, 22.14

прикрыть тонким грязно-белым покрывом. Кроме этого тихого шороха больше ни звука, ни движения. Некоторое время я стою, слушая тишину, потом открываю крышку багажника и вынимаю ящик с инструментами. Следом вытаскиваю чемодан и вижу широко открытые, полные страха и слез голубые глаза. На лбу над правой бровью расплылся припухший синяк. Я захопываю багажник и запираю его на ключ. Чемодан оставляю рядом с машиной, достаю ручной фонарь и с ящиком в руках бреду по короткому пологому склону, поросшему редкими невысокими елями и осинами.

Все три окна заднего фасада дома — два на первом этаже и одно на втором — непроницаемо темные, как и крыльцо, забранное хлипкими деревянными переплетами. Дом старый и дряхлый: на крыше комок мертвого бурого мха, обветшавшие дощатые стены покрыты чешуей выцветшей и облупившейся краски, оконные рамы рассохлись и еле держат чудом уцелевшие тонкие стекла; балкон на втором этаже угрожающе накренился, нависая над задним двором. Ржавая проволочная сетка забора провисла до самой земли на невысоких замшелых столбах. Собственно, поэтому я и выбрал это место: мне нужен был не просто пустой дом в уснувшем до лета дачном поселке, а такой, куда с наименьшей вероятностью могут неожиданно навеститься на выходные хозяева. То, что я делаю, и так довольно опасно, так что незачем множить ненужные риски. Дверь, ведущая на крыльцо, приоткрыта. Десять дней назад я сам выломал замок, расковыряв топором прогнившую древесину. Потемневшие от дождя и снега щепки так и остались валяться у порога. Значит, за это время в доме никто не побывал и даже не подходил близко: ни хозяева, ни соседи, никто.

Я вхожу внутрь, делаю пару шагов по крыльцу, стараясь не споткнуться о старые мятые ведра и жестяное корыто, на дне которого плавают в лужице грязной воды желтые сосновые иглы, и открываю внутреннюю дверь. Густая темнота пахнет сыростью, мокрой бумагой и промозглым холодом. Тусклый желтоватый луч фонаря освещает тесную комнату: небольшой деревянный стол в углу, распухшая от влаги кровать, накрытая заплесневевшим покрывалом, шаткий стул, гнутую спинку которого в свой прошлый визит я прибил гвоздями к стене. Окно, выходящее к лесу, занавешено плотной тканью. Слева чернеет дверной проем, ведущий в другую комнату. Десять дней назад я обошел весь дом, от первого

до второго этажа, и во всех комнатах было одно и то же: темнота, сырость, плесень, испуганный писк разбегающихся мышей и старая мебель, брошенная умирать в этом мрачном приюте ненужных забытых вещей.

Инструменты я оставляю в доме, с фонарем в руке возвращаюсь к машине и отпираю багажник. Когда я хватаю Оксану за пальто и пытаюсь вытащить наружу, она начинает отчаянно извиваться, мотать головой и пытается ударить меня связанными ногами, издавая громкое мычание, которое стало бы воплем, если бы не заклеенный рот. Рукой в перчатке я беру ее за волосы и тяну на себя. Она снова мычит, из зажмуренных глаз сочатся слезы, боль заставляет перестать сопротивляться, и она ползет к краю багажника. Я нагибаюсь и говорю:

— Если ты не прекратишь дергаться, я снова ударю шокером.

Она отрицательно мотает головой и пытается что-то сказать сквозь клейкую ленту.

— Послушай внимательно. Сейчас я освобожу тебе ноги. Ты встанешь и пойдешь сама, куда я поведу. Пожалуйста, не заставляй бить тебя электричеством. Мне этого совсем не хочется.

Оксана кивает. Я помогаю ей сесть и разрезаю ножом скотч на ногах. Потом вытаскиваю чехол с ружьем, вешаю его за ляжку на шею, выключаю фары, запираю машину, и мы идем к дому. Осклизлые листья, еловая хвоя и мокрый снег расползаются под ногами, ружье при каждом шаге бьет меня в грудь, в левой руке фонарь, и, хоть я и стараюсь поддерживать Оксану под локоть, она все же падает, когда незаметная в темноте острая проволока провисшей ограды впивается в босую ногу. Мне приходится помогать ей подняться, я теряю равновесие и чуть не падаю сам, роняя фонарь.

Дело еще даже не началось, а я уже чувствую себя до смерти уставшим.

Я ввожу ее в комнату, как полагается, спиной вперед, и усаживаю на прибитый к стене стул; потом как можно плотнее прикрываю дверь крыльца и ставлю рядом пустое ведро. Если даже я не услышу, как кто-то подходит к дому, бесшумно войти сюда не удастся. Дверь в комнату я подпираю изнутри доской, которую нашел на втором этаже. Оксана смиренно сидит на стуле, не сводя с меня влажного взгляда.

Снова берусь за скотч и приматываю ей ноги за щиколотки к ножкам стула, а заведенные назад запястья — к спинке. Стул не внушает доверия: он древний и шаткий, а привязанная к нему молодая женщина рослая и крупная, но я надеюсь, что он выдержит. Я ставлю фонарь на стол, регулирую луч так, чтобы он светил Оксане в лицо, потом открываю ящик и раскладываю содержимое на покрытом бурыми пятнами покрывале кровати: молоток с резиновой рукоятью, пассатижи, большие портновские ножницы, литровую бутылку с водой, нашатырный спирт, упаковку валидола, бритвенный станок и гель для бритья, блокнот и ручку; рядом кладу свой нож и электрошокер. Арсенал скудный, но приходится обойтись тем, что есть. Потом извлекаю большой защитный костюм с капюшоном для малярных работ, снимаю пальто и шляпу. Влажный холод пробирает до костей, дом выстужен и отсырел насквозь, но придется терпеть. Я влезая в защитный костюм, застегиваю его, затягиваю капюшон и меняю свои кожаные перчатки на другие, резиновые, с длинными раструбами почти до локтей. В ящике остается моток толстой стальной проволоки.

Я беру ножницы, показываю ей и говорю:

— Я сниму с тебя одежду. Прошу, сиди спокойно и не препятствуй мне.

В голубых глазах страх и облегчение одновременно: ей кажется, она понимает, что я хочу с ней сделать, и это пугает меньше, чем неизвестность.

Я старательно разрезаю пальто, свитер, футболку, брюки. Наверное, у нее самой это получилось бы лучше, но я не портной, и мне приходится кроить и кромсать довольно долго, пока вся одежда не превращается в ворох изрезанных тряпок, лежащих на грязном полу. Потом снимаю с нее изорванные грязные носки, обнажая босые стопы. Тщательно исследую каждый кусок ткани — ничего не вшито, не прикреплено изнутри, никаких знаков, кроме фабричных меток. Хорошо.

Когда я принимаюсь за нижнее белье, она начинает дрожать. Разрезанный бюстгальтер раскрывается, и большие груди мягко выпадают наружу. Ее соски затвердели от холода, налились темно-красным, и я с трудом отвожу от них взгляд. Когда я разрезаю трусы, она рефлекторно пытается свести бедра, но я кладу ладони ей на колени, раздвигаю и смотрю между, на розовую полоску

плоти среди нежных складок, чувствуя отчетливый, горячий, волнующий запах. На лобке заметна легкая тень от чуть отросших волосков, и я думаю, что если провести по ним рукой, то они будут приятно покалывать подушечки пальцев.

Значит, бритва и гель мне не понадобятся.

Осталось избавить Оксану от скотча на лице. Я встаю, осторожно разрезаю слои клейкой ленты у нее на губах и отдираю рывком. На затылке скотч запутался в волосах, и на ленте остаются длинные светлые пряди.

Она вскрикивает и некоторое время часто и прерывисто дышит ртом. Потом поднимает на меня глаза, и мы молча смотрим друг на друга.

— Что вам нужно? — наконец произносит она.

— Поговорить, — отвечаю я, и это чистая правда.

— Послушайте, у меня есть деньги, там, в сумочке, конверт, в нем сто семьдесят тысяч, предоплата за заказ, возьмите...

Я качаю головой, и она замолкает.

Пора начинать.

Конечно, полностью исполнить предписанный законный порядок возможности нет. Я не могу пригласить епископа или его заместителя, не могу ждать восемь дней, чтобы получить их письменное согласие, которое мне все равно никто не даст, рядом со мной нет судьи и утвержденного судьей палача, да и у меня самого — ни сана, ни благословения. Но на войне не до бюрократических процедур. *«В религиозных процессах должно быть сокращённое судопроизводство, лишённое излишних формальностей»*¹, — и эти слова подходят как нельзя лучше к той ситуации, в которой оказался мир почти через шесть с половиной веков после того, как Шпренгер и Инститорис создали свой прославленный труд.

Тем не менее хотя бы минимальные правила должны быть соблюдены. Я встаю перед привязанной к стулу женщиной и говорю:

— Во имя Господне, аминь. В год от рождества Христова 20..., пятого дня, а потом двадцать пятого дня месяца февраля до моего слуха дошло, что ты, Оксана Титова, из города Санкт-Петербурга, вошла в союз с дьяволом, вступив в еретическое сообщество ведьм, с целью околдования, наведения порчи и прочего, что идёт

¹ *Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис, «Молот ведьм».*